

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81.271.1

КУЛЬТУРА РУССКОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ ДАГЕСТАНЦА-БИЛИНГВА

М. И. Магомедов

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН

Статья посвящена исследованию актуальной социолингвистической проблемы – письменной русской речи дагестанца-билингва, описанию лингвокультуроведческой сущности национально-русского двуязычия, специфическим феноменом которого является русскоязычное художественное произведение нерусского писателя.

The article covers the actual socio-linguistic problem of Russian written speech of a bilingual Dagestani, and the description of lingual-culturological essence of national-Russian bilingualism, specific phenomenon of which is belles-lettres written in Russian by a non-Russian writer.

Ключевые слова: письменная русская речь; дагестанец-билингв; национально-русское двуязычие; русскоязычное произведение;

Keywords: written Russian speech; bilingual Dagestani; national-Russian bilingualism; work written in Russian; lingual-culturological analysis of belles-lettres.

Письменная русская речь дагестанца-билингва является актуальной социолингвистической проблемой, освещение которой на конкретном текстовом материале существенно расширит представление о лингвокультуроведческой сущности национально-русского двуязычия, специфическим феноменом которого правомерно признать русскоязычное художественное произведение нерусского писателя. Национально-русское двуязычие в Дагестане давно уже стало нормой языковой жизни его полиэтнического социума. К правильности и культуре русской устной и письменной речи в настоящее время, когда подавляющее большинство дагестанцев владеет русским языком, этим общепризнанным средством межнационального общения, языком общественно-политической и культурно-образовательной сфер жизни общества, предъявляются повышенные требования. В связи с данным объективно сложившимся обстоятельством на высокий уровень поднялась ответственность двуязычного автора, пишущего свои художественные произведения на русском языке. Такие произведения должны демонстрировать правильность и культуру русской письменной речи, следовательно, служить примером для подражания.

Репрезентативность такого исследовательского материала, каким является русскоязычный художественный текст, созданный нерусским автором, как специфический феномен функционирования национально-русского двуязычия обуславливается тем, что анализу подвергаются единицы разных уровней языковой иерархии в их речевой реализации.

Давно и хорошо известно, что денотативное и коннотативное дискурсивно мотивированное значение слова и его оттенки эксплицируются в связном тексте.

А что представляет собой текст с лингвистической точки зрения? «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической,

грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и практическую установку» [1, с. 18].

Русскоязычный художественный текст писателя-билингва служит весьма доказательным исследовательским материалом, в результате социолингвистического анализа которого выявляются индивидуально-авторская лингвистическая компетенция и типичные нарушения норм русского литературного языка под влиянием разнообразных социальных и лингвистических факторов, среди которых не последнее место принадлежит интерференционному влиянию родного языка автора, вернее, специфических речевых моделей, закрепившихся в его языковом сознании.

Анализ художественного произведения, созданного на русском языке дагестанцем-билингвом, затрагивает интересы не только лингвистов, но и исследователей-литературоведов, точки зрения которых не всегда и не во всем пересекаются: то, что лингвист расценивает как нарушение кодифицированной нормы русского литературного языка, для литературоведа может оказаться стилистически востребованным иносказанием. Данное обстоятельство предъявляет к исследователю требование быть предельно осторожным и деликатным в аргументациях и оценочных обобщениях. Соблюдать последовательно данное требование чрезвычайно трудно, так как характерологические критерии оценки одного и того же явления в лингвистике и литературоведении не всегда идентичны, а порою диаметрально противоположны. Кроме того, анализ русскоязычного художественного произведения в той или иной мере затрагивает чрезвычайно деликатное явление – языковую личность его автора.

Всякий уважающий себя писатель считает единственно верной свою концепцию, свою точку зрения на речевую реализацию языковых единиц в своем произведении и довольно болезненно реагирует на альтернативное мнение оппонента. Поэтому исследователю приходится быть разборчивым и внимательным при формулировании своих выводов и обобщений. Тем не менее он нередко оказывается принужденным неопровержимыми фактами предпочесть объективность в соответствии с принципом «Платон мне друг, но истина дороже».

Лингвокультуроведческое и собственно лингвистическое исследование художественного русскоязычного произведения, написанного нерусским писателем, которое является своеобразным проявлением функциональной природы национально-русского двуязычия в полиэтническом социуме, преследует несколько целей. Во-первых, вследствие такого исследования обнаруживаются социолингвистические и психолингвистические особенности русской речи автора произведения; во-вторых, выявляются наиболее релевантные особенности родного языка автора, под влиянием которых происходят отклонения от кодифицированных норм современного русского литературного языка; в-третьих, результаты изучения текста позволяют определить типичные нарушения норм русского литературного языка в речи писателя как носителя национально-русского двуязычия, а также тех, кто владеет русским языком на том же уровне, что автор книги; в-четвертых, эти результаты дают возможность проследить характерные для русскоязычных художественных произведений разных авторов-билингвов типичные стилистические приемы.

Обращение дагестанских национальных писателей к русскому языку для создания художественных произведений и этнографических очерков имеет давнюю и весьма поучительную историю, которая восходит к тому периоду истории Дагестана, когда он был присоединен к России. Еще до этого эпохального события в Дагестане были известны представители разных народов, которые, свободно владея русским языком, писали на нем, переводили с него на родной язык и с родного языка на русский. Это целая плеяда так называемых просвещенцев: А. Омаров, А. Чиркеевский, Д.-М. Шихалиев, Г.-М. Амиров, М. Хандиев, М.-Э. Османов и др., чье русскоязычное творчество помогало читателю-русскому понять, что горцы Дагестана – это вовсе не забытые, безнадежно отсталые, невежественные туземцы, а вполне интеллектуально и духовно-нравственно развитый народ со своей самобытной горской цивилизацией,

открытый для восприятия нового культурного веяния, шедшего из России вместе с русским языком [2, с. 9]. В то время русскоязычная литература востребована была задачей культурного сближения русских и дагестанцев через взаимоузнавание, взаимопонимание и культурное взаимооближение.

Данное обстоятельство явилось одним из культурно-просветительских следствий объективно определившейся переориентации дагестанцев с арабовосточного культурно-исторического ареала на русско-европейский. Простые горцы воочию наблюдали проникновение в Дагестан элементов материальной и духовной культуры из России и через нее. Существенная часть всего нового, что проникало в культуру и быт народа, шло из Европы. Происходящие в культуре, быту, психологической стереотипии изменения были тесно связаны с русским языком. Поэтому русский язык воспринимался и осмыслялся в контексте реальных прогрессивных, цивилизационных перемен в жизни дагестанских горцев.

Культурно-историческая и просветительская миссия русскоязычной литературы дагестанских авторов постепенно становилась все более значимой в связи с интенсификацией прогрессивного влияния России на Дагестан.

Первые русскоязычные этнографические очерки дагестанских нерусских авторов ориентированы были на речевой узус русской читающей публики XIX в., другими словами, их адресатом был этнически русский читатель, поэтому языковые средства и стиль этих текстов максимально приспособлялись (конечно же, с большой помощью редактора) к русским оригинальным текстам. В них заметен русский речевой колорит XIX в.: использованы и такие словоформы и экспрессивные средства, которые считаются устаревшими в современном русском языке.

Русскоязычные произведения национальных писателей в первой трети XX в., с одной стороны, отражали уровень владения горцев русским языком, с другой – способствовали распространению русского языка как необходимого второго языка. Такая взаимосвязь и взаимозависимость русскоязычной литературы нерусских авторов и развитие и совершенствование национально-русского двуязычия в Дагестане сегодня представляют несомненный интерес для социолингвистов. Теоретическое значение и практическая ценность исследования русскоязычной литературы заключается в том, что в результате такого исследования становятся очевидными своеобразные критерии категоризации внеязыковой действительности, модели мирозерцания и мировыражения дагестанцев-билингвов, их мировоззренческие стереотипы. Кроме того, в результате анализа русскоязычной литературы выявляются типичные отклонения от норм русского литературного языка по ряду причин, в числе которых можно упомянуть стереотипы мышления носителей национально-русского двуязычия.

Русскоязычный художественный текст дагестанского писателя наших дней, в котором изображаются жизнь, быт, нравы, этнопсихология дагестанцев, должен быть адресован прежде всего носителю дагестанско-русского двуязычия. Перед автором такого текста стоит нелегкая задача сделать его одинаково интересным, привлекательным и понятным также русскому читателю. Сложность, которую преодолевает писатель, заключается в том, что он учитывает не только особенности мышления, менталитета, образно-метафорических иносказательных речевых оборотов, но и неоднородность читателей-билингвов по уровню владения русским языком. В настоящее время, когда более восьмидесяти процентов дагестанцев свободно владеют русским языком, автор русскоязычного произведения должен видеть перед собой в качестве читателей билингвов, владеющих русским языком на разном уровне, в том числе и на высоком. То, что интересно для билингва, должно быть приемлемо и для русского человека. Следовательно, нет необходимости стараться искусственно «обрусивать» текст, ориентируя его на лингвокультуроведческие стереотипы русского человека.

Наше исследование ставит целью подвергнуть лингвострановедческому и собственно лингвистическому анализу русскоязычное художественное произведение Магомед-Расула «Что с нами будет?». Мы далеки от намерения дать этому произведению всеобъемлющую филологическую характеристику, критически рассматривая его под литературоведческим углом зрения, и дать ему оценку. Мы не намерены также вынести однозначную категорическую положительную или отрицательную оценку художественному таланту автора книги. Эта книга интересует нас как репрезентативный исследовательский языковой материал, отражающий характерные особенности русской речи дагестанцев-билингвов.

Рассматривая то или иное характерное для нее явление, мы обращаем внимание не только на языковые его особенности, но и пытаемся там, где это возможно, с социальной точки зрения охарактеризовать реалию или понятие. Поэтому наш подход к анализу данного произведения можно квалифицировать как социолингвистический, лингвокультуроведческий и сугубо лингвистический.

«Изучение языка литературного сочинения должно быть одновременно и социально-лингвистическим и литературно-стилистическим. Понимание языковых форм современной ему действительности является постулатом изучения» [3, с. 68].

«Анализ русскоязычных текстов с позиций антропоцентризма становится особенно важным, когда речь идет об объектах другой культуры, так как тексты такого типа представляют собой источник хранения и передачи особой информации изображаемого народа и его менталитета, а также отражения психической жизни индивида через мировосприятие автора. Богатство различных интерпретаций русскоязычного текста обусловлено, прежде всего, широтой контекстуальных связей, в пределах которых его воспринимает реципиент, т.е. многозначность трактовок прямо пропорционально объему культурной информации, которой обладает читатель» [4, с. 209–210].

Язык русскоязычного художественного произведения нерусского писателя должен быть прежде всего правильным и выразительным. И такое произведение должно быть одинаково интересным как для русского читателя, так и для нерусского. Национальные, то есть нерусские, писатели Дагестана с учетом высокого социально-культурного престижа русского языка в республике видят в нем средство к достижению известности не только в Дагестане, но и за его пределами. Видя, что создание художественных произведений на русском языке стало чуть ли не массовым явлением, что писать на русском языке многие считают престижным, Расул Гамзатов говорил: «На десяти языках пишут дагестанцы свои произведения, на девяти языках они их издают. Но что же в таком случае делают те, которые пишут на десятом? И что это за язык?»

На десятом языке пишут те, кто успел забыть свой родной язык – будь то аварский, лакский или татский, – но еще не успел познать чужой язык. Они оказались ни тут, ни там.

Пиши на чужом языке, если ты знаешь его лучше, чем свой родной. Или пиши на родном, если не знаешь как следует никакого другого. Но не пиши на языке десятом» [5, с. 65].

Говоря о лексико-семантических особенностях языка книги Магомед-Расула «Что с нами будет?», стоит отметить, что мы характеризуем языковые средства книги с точки зрения правильности, уместности, логичности и выразительности. Одной из задач данной части могла бы быть речевая дифференциация героев. Речевая индивидуализация действующих лиц в русскоязычной литературе – едва ли не самая трудная лингвистическая задача из всех, встающих перед автором. Стилистическая аморфность всего текста произведения – типичный недостаток многих книг на русском языке, написанных национальными авторами.

В книге встречается немало случаев подмены денотата, то есть реалии или понятия, о которых ведется повествование. «При первом же землетрясении дом развалится: без цемента и железной арматуры ни одна постройка не может долго простоять».

Арматура – это стальной каркас железобетонного изделия или сооружения, следовательно, арматура не может быть железной. А что такое *железобетон*? В Словаре Ожегова – это «монолитное соединение бетона и стальной арматуры, применяемое в строительстве».

Слово *арматура* использовано не совсем корректно автором книги, который очень тонко разбирается не только в свойствах металлов вообще, но даже в марках стали. В романе «Отец пророка» он писал: «необходимо иметь сталь трех сортов: так называемая «альхана» – самая крепкая сталь, «антушка» – крепкая сталь, «дугалала» – мягкая сталь». Кроме того, вместо *без цементного раствора* написано *без цемента*. А это разные вещи.

«Конечно, Айбала по сравнению с Самирой, бриллиант чистейшей воды. Но бриллиант без огранки, со всеми шероховатостями и выпуклостями». Не бывает бриллианта без огранки или с шероховатостями и выпуклостями. Другими словами, бриллиант – это ограненный алмаз. Автор книги, хорошо знающий разницу между бриллиантом и алмазом, допустил их смешение. На наш взгляд, причина данного ляпсуса, да многих других, в том, что книга, к величайшему сожалению, не отредактирована.

Самира, чтобы опорочить Марьям, которая исчезла из дома, говорит: «Сперла все мои драгоценности: золото, бриллианты, деньги!». Тривиальна истина, что деньги не являются драгоценностью, в отличие от золота и бриллиантов. Тогда как золото и бриллианты являются безотносительной и безоговорочной самоценностью, деньги не являются таковой. И тот реально наблюдающийся факт, что вместе с драгоценностями крадут и деньги, не служит основанием идентифицировать их как драгоценности.

«Ты, счастливый человек, Клабочка. У тебя все еще впереди, – разглагольствовал Барака, нанизывая хинкал на вилку».

Что значит «нанизывать»? Это, прокалывая, продевая, надевать подряд на нитку, проволоку и т.д. Когда едят хинкал, его берут вилкой, но не нанизывают на нее. Например, кусочки мяса, когда жарят шашлык, нанизывают на шампур, а хинкал на вилку – нет.

«После посещения кожаных магазинов».

Имя прилагательное *кожаный* означает «сделанный из кожи», а магазинов из нее не делают.

«На сером небосклоне едва заметно вырисовывался серебристый диск нарождающейся луны...»; «на фоне темнеющего неба все отчетливей вырисовывался серебристый диск молодого месяца...».

Как известно, новая луна не похожа на диск, она серпообразна. Может быть, на родном языке автора книги «молодой» называют круглую луну, действительно похожую на диск. Если, в самом деле, существует несоответствие в наименовании фаз луны в русском и дагестанских языках, надо было исчерпывающе прокомментировать такую специфику.

В данной книге встречаются и такие случаи определения предмета, алогичность которого самоочевидна. Например: «Морщины вкривь и вкось избородили лоб; только лицо все, вплоть до глаз, было покрыто густой щетиной снежных волос». Допущена грубая ошибка, которая заключается в трактовке лица и его части – лба как разных, соотносительных предметов. Нет необходимости кому-нибудь доказывать, что *лоб* – часть лица. В Словаре Ожегова существительное *лоб* толкуется как «верхняя лицевая часть черепа». Малый академический словарь объясняет его как «верхнюю надглазную часть лица человека».

В данном предложении допущена и другая логическая несуразность: *щетина волос*, потому что щетина тоже волосы.

«Где-то далеко ухнула ночная сова».

Насколько известно, совы не подразделяются на ночных и дневных.

«Как говорит Алмас Шиназский, все в руках человека, а человек – в руках женщины».

Это какая-то бессмыслица: имя существительное *человек* означает и женщину и мужчину, и ребенка. Читатель задумается над афоризмом мудрейшего аксакала, не понимая, кто же в руках женщины?

«В ожидании светофора они остановились на перекрестке».

Создается впечатление, будто светофор принесет кто-то и «водрузит» на место. Очевидно, автор имел в виду зеленый свет светофора.

«Он поковылял к холодильнику, налил себе полный стакан царской водки, выпил залпом, вытер рот тыльной стороной руки и отключился», «с жадным удовольствием выпил царской водки...».

В Словаре Ожегова имеется такое толкование выражения *царская водка* – «смесь соляной и азотной кислот, растворяющая золото, платину и другие металлы, не растворяемые в обычных кислотах».

Вполне можно допустить реальность существования марки водки с символическим названием «Царская водка». В этом случае в книге можно было бы как-то оговорить это и обязательно заключить название водки в кавычки. Иначе ассоциации выпитой Баракатом водки со смесью кислот не избежать.

В анализируемом произведении немало случаев нарушения логики рассуждения.

«Ореол тайны вокруг первой брачной ночи всегда заманчиво висел над аульчанами».

Ореол в Словаре Ожегова – «световая кайма, похожая на сияние, вокруг ярко освещенного предмета. В переносном смысле – блеск, почет, окружающие кого-нибудь. Поэтому *ореол* не может висеть над людьми, он может только окружать их.

Сочетание *пухленький ротик* часто встречается в тексте книги. Оно некорректно. Очевидно, прилагательное *пухленький* логичнее употребить применительно к губам, а не рту.

Айбала не восприняла всерьез слова Композитора, обращенные к ней. В отношении его признания Айбале автор пишет: «Вообще говорить вслух и много о том, как она или он сильно любит другого, Айбала считала бестактным и безнравственным». Красивая, умная, начитанная девушка Айбала не могла так рассуждать. Может быть, в какой-нибудь речевой ситуации говорить о любви к кому-то бестактно и неуместно, но считать «безнравственным» признание в любви вообще совершенно алогично. Разве безнравственно поступила Татьяна из «Евгения Онегина» Пушкина, написав письмо Онегину, в котором признается в любви к нему?!

«Зухра встревожилась: пел парень, которому она отказала в сватовстве». Сватовство – обряд предложения брака, в котором участвуют многие. По тексту понимается, будто Зухра отказалась устроить сватовство, будто она была ответственной за мероприятие. А в самом деле сватовство тут ни при чем. Девушка просто отказалась выйти замуж за этого парня, и она не имела никакого отношения к сватовству как обряду.

«С улыбкой ответила девушка в длинном розовом платье, с черными косами на груди».

Двусмысленна информация о косах на груди. То же можно сказать и относительно выражения: «Айбала, такая миниатюрная и компактная, с густой черной косой *ниже пояса*, шла своей грациозной походкой...». Словосочетания *косы на груди*, *косы ниже пояса* семантически неточны, двусмысленны.

«Желающих жениться на Айбале было не перечесть». Разговорное *не перечесть* имеет значение «очень много», а потенциальных женихов у нее, судя по содержанию книги, было не так уж много.

Подобного рода случаи неправильности утверждения, как можно предположить, происходят вследствие того, что автор книги, по-видимому, часто оказывался вынужденным употребить более выразительное слово, на его взгляд, и не уделял достаточного внимания точности речи, ее логичности, а также уместности используемого слова. Конечно, писатель волен по своему усмотрению использовать гиперболу, но у автора анализируемой книги не было реальных оснований для такого преувеличения числа потенциальных претендентов на руку и сердце красавицы Айбалы. Мы знаем только двоих: Бараката и Композитора. Что касается домогательств Рыжика, то они не дошли до предложения Айбале выйти замуж за него. А кто же еще?

Автор книги в большом количестве без нужды и зачастую неудачно конструирует сложные прилагательные. Порою создается впечатление, будто он никогда в жизни не сталкивался с предметами одного определенного цвета: ему всякая реалья видится лишь в цветовых оттенках. Вот характерный пример: «Багрово-розовое облако над горой превратилось в иссиня-черную косматую тучу». Представить себе «багрово-розовый цвет трудно, так как *багровый* значит «красный густого темного оттенка», а *розовый* – цвета незрелой мякоти арбуза, цветов яблони, белый с красноватым оттенком. Так толкуются эти прилагательные в Словаре Ожегова.

«Продолжалось это почти два года, пока он не встретился с Самирой на одной из случайных вечеров». Наверняка, определение логичнее отнести не к вечеру, а встрече.

«Ни семьи, ни детей? – вмешалась Зухра, вытирая рот салфеткой». Здесь, как и во многих других случаях, автор в качестве однородных членов предложения употребил названия общего и частного: дети – составная часть семьи.

С логической точки зрения, не совсем корректно употреблять в художественном произведении слова и сочетания слов, которые в русской речи не употребляются. Рассмотрим следующее предложение: «Я представить себе не могу, кто из парней аула лучше нашего Бараката подготовлен к семейной жизни, – сказала Ханумчакар, вытирая слезы ладонями рук». Не говорят «ладонь руки», тогда как нормативно «кисть руки».

Относительно того, что Айбала раздаривала свои вещи, автор пишет: «И поступала так не для того, чтобы выделиться, казаться щедрой и великодушной, а по внутреннему убеждению: не родился еще на свете человек, который смог бы купить за богатство счастье или любовь, честь или достоинство».

Логическую неточность позволительно признать в субстантивном словосочетании с атрибутивными отношениями *внутреннее убеждение*. Убеждение, являясь взглядом человека на что-либо, его мнением о чем-либо, может быть только внутренним. Можно было бы допустить употребление словосочетания *внутреннее убеждение*, если бы существовало соотносительное понятие «внешнее убеждение».

В тексте встречаются случаи противоречия. Например, на 10-й странице говорится о родинке **на переносице** Бараката, а на 14-й странице – о родинке **у переносицы**.

Об Айбале читаем: «Видимо, время сыграло свою роль – она повзрослела», на 15-й странице сказано; «С тех пор как они покинули аул, Айбала ни внешне, ни внутренне не изменилась». Повзрослев, Айбала, вероятно, изменилась внешне. А то, что она, получив высшее образование, стала образованнее, а с возрастом и умнее, духовно богаче, является внутренним изменением.

Логическую несурязицу обнаруживаем там, где повествование ведется о подарках, приготовленных матерью Бараката для Айбалы, когда готовились к свадьбе:

- самая изысканная одежда и белье;
- золотые серьги с бриллиантами;
- ожерелье, браслет, платья, платки и прочие вещи первой необходимости.

Логическое противоречие заключается в том, что изысканная одежда, обувь и дорогие украшения, которые ассоциируются с парадностью, праздничностью и всякого рода торжествами, не могут считаться «предметами первой необходимости».

«Нехорошо подслушивать чужих! – громким шепотом отчитывала няня Ашрапи». Слово сочетание *громкий шепот* – оксюморон. Аналогичные примеры: «горьковато-сладким ароматом», «все это происходило и с ним и не с ним», «в каком-то полусне-полуяви», «слышала и не слышала», «полезные сорняки», «он ее видел и не видел», «вроде бы он видел все вокруг и ничего не видел», «не видел и когда видел», «неуловимо-уловимый молочный дух чистого тела», «пытался вспомнить что-то отдаленно-близкое, туманно-знакомое», «стройно-упитанное тело», «прозрачные тучи», «нет ничего хуже, чем чувствовать себя *здоровым калекой*».

Встречаются случаи двусмысленности, которые возникли по причине неудачного составления предложения и неправильного использования анафорического возвратного местоимения *себя* и притяжательного местоимения *свой*. Например: «Ашрапи раненым сердцем чувствовала неприязнь матери к себе». Двусмысленность заключается в том, что местоимение *к себе* относится и к Ашрапи, и к ее матери.

Употребление слов национальных языков в русскоязычном художественном произведении является оправданным традицией способом придания тексту местного или национально-культурного колорита. «Национальные литераторы, используя в русскоязычном художественном тексте слова родного языка, придают своему повествованию точность обозначения предмета, дополнительную выразительность» [6, с. 135]. Среди таких слов встречаются и характерные не только для родного языка автора, но и широко распространенные в данном регионе – так называемые регионализмы.

Традиция употребления национальных слов в русскоязычном тексте восходит к первым этнографическим очеркам дагестанских авторов, которые публиковались начиная с 1869 г. в Сборнике сведений о кавказских горцах. Например, в очерках Абдуллы Омарова употреблены слова, обозначающие бытовые реалии (*чоха, хинкал*), слова социально-сословной сферы (*кунак, качаги, раяты*), названия предметов и понятий религиозной сферы (*закат, мунафик, садака*). «Национальная лексика, выполняя практически функции стилистики, обусловленные жанром, в то же время являет собой очень важный характерологический признак русскоязычной литературы дагестанцев, который, совершенствуясь, впоследствии становится неотъемлемой чертой ее» [2, с. 49].

Национальных слов в анализируемой книге не так много. Приведем их.

Аксакал – старейшина. Это тюркоязычное слово, обозначающее буквально «белобородый», указывает не столько на возраст мужчины, сколько на его мудрость, жизненный опыт, которым он щедро делится с земляками. Однако это слово имеет ограниченную сферу функционирования: его часто употребляют в книжной речи, но в общении на ряде дагестанских языков его почти не используют. *Абдал* – придурок; *адамдеш* – человечность («Все время и душу она вкладывала в Дом детства «Адамдеш», что означало «Человечность»). *Алжанала ахъ* – райский сад; *ахмах* – глупец, дурак; *баракат* – благополучие; *баркалла* – благодарю, спасибо; *годекан* – место сбора и времяпрепровождения мужчин в ауле; *гульменди* – белый платок.

Некоторые слова из дагестанских языков, обозначающие одну и ту же реалию, обнаруживают неполное совпадение фонетического облика. Например, даргинскому названию белого платка *гульменди* в аварском соответствует *гурмендо*. *Дарман* – лекарство; *дерхаб* – пожелание добра, здоровья, благодати. Это даргинское слово стало общедагестанским. Его произносят обычно на торжествах как здравицу. *Зирнявчи* – зурнач, зурнист; *кукай* – слюняк; *паттакус* – паршивец; *сабур* – терпение; *тавба* – зарок; *хабар* – весть; *мой хан* – мой господин; *хайван* – скотина; *чуду* – пирог. Многие из этих слов известны не только даргинскому языку, но и всем дагестанским языкам. Автор книги, комментируя вкрапляемое в русский текст слово, не раскры-

вает его внутренней формы, ограничиваясь однословным переводным аналогом на русском языке.

Отдельные национальные слова, употребленные в переносном смысле, выражают высшую степень пейоративности. Например, существительное *хайван*, использованное применительно к человеку, обозначает его варварские наклонности. Так обзывает Баракат парня, который бросил ножом в яблоню. Создается впечатление, что Магомед-Расул трактует данную лексему в значении «экологический невежда и злоумышленник». Он писал в романе «Отец пророка»: «Весь молодой лес вырубил! Думаешь, другие не видели этих деревьев? Только у тебя одного глаза? *«Хайван!»*».

Выделяются междометия-восклики: *«Вададай-вабабай!»* – воскликнула Ханумчакар». Так дагестанцы выражают удивление, изумление. «Шахмардан пел, когда у него что-то ладилось *Ди-ди-ди-дилай-далай, айри-далай ай далай*». «Он подпрыгнул и пустился в пляс: *Арссах! Аппах!»*».

Отдельную группу включаемых в русскоязычный текст слов составляют цитаты из заупокойной молитвы, то есть выражения на арабском языке, сопровождаемые подстраничным переводом: *Аллагъу вагъфирлахъу вархIамгъу бихIурмети сурат аль-ФатиххIа* «Да проявит Аллах милосердие к нашему покойнику и утешит ваши души терпением»; *Аллагъумма салли гIала али МухIаммадин ва салим О Аллах, благослови Мухаммада и род Мухаммада и приветствуй!»*; *Ашгъаду ан ла илагъа илла лагъу* «Свидетельствую, что нет Бога, кроме Аллаха».

«Как правило, автор художественного произведения употребление регионализма сопровождает кратким или развернутым пояснением его значения в виде подстраничных или внутритекстовых примечаний. При этом само собой разумеющимся считается то, что родной язык автора произведения – ближайший источник заимствования регионализма русским языком» [7, с. 69].

С точки зрения культуры письменной русской речи, нежелательно употреблять такие слова в русскоязычном художественном произведении. На наш взгляд, содержание произведения не очень пострадает, если, например, вместо *гульменди, гормендо, гурмендо* использовать русское слово *платок* с тем или иным уточняющим определением (белый, тонкий, шелковый и т.п.). При этом мы исходим из того, что выразительный потенциал, экспрессивный накал национального произведения неадекватно воспринимает читатель, в родном языке которого нет вкрапленного в русскоязычный текст национального слова. Кроме того, все еще нет орфографической нормы в отношении национальных слов, используемых в русскоязычном тексте. Например, в даргинском языке – *гульменди*, в аварском – *гурмендо* и *гормендо*.

Стремясь максимально обрусить текст своей книги, ее автор использовал этнокультурно маркированные лексико-фразеологические средства, уместные в тексте, в котором описываются сугубо русские национальные реалии, быт, традиции и т.д. Обратимся к примерам.

«Марьям, воркуя про себя, возилась на кухне и в который раз переставляла на обеденном столе хрустальные вазы с красивыми искусственными цветами, любуясь ими и грустя, что они не натуральные, не живые. То бишь им она могла бы и душу излить». Устаревший союз *то бишь* означает «наверное», употребляется для уточнения, пояснения того, о чем говорится. Попутно заметим, что словосочетание «воркуя про себя» логически необоснованно. Что значит *про себя*? В словаре Ожегова читаем: «Про себя (разг.) – не вслух, не произнося. *Читать про себя*». Представить трудно, как можно ворковать про себя.

Просторечная частица *бишь*, которая восходит к древнерусскому глаголу *баишь* «говоришь», означает припоминание.

В тексте довольно часто встречаются вводные слова *было* и *мол*, которые не всегда используются обоснованно, уместно, вследствие чего воспринимаются читателем как избитые, истертые. Например: «Она пристально посмотрела ему в глаза, как бы го-

вора: ты разве, мол, не видишь по мне?!» Излюбленными словечками автора являются следующие: *впрямь, невдомек, нет-нет да и*. Почти во всех случаях употребления глаголы прошедшего времени со значением многократного действия *не видывал, не подумывал* и подобные выглядят специально введенными автором, чтобы сделать текст оригинальным, чисто русским (на его взгляд).

Наблюдения над языком и стилем книги «Что с нами будет?» позволяют утверждать, что ее автор больше всего заботился не столько о том, чтобы придать повествованию максимум художественности, эстетичности, экспрессивности, выразительности и доступности изложения, сколько о том, чтобы текст выглядел как русский, а само произведение – не как русскоязычное произведение национального автора, а как русское произведение русского писателя.

Выше говорилось об ограниченности стилистических возможностей у национальных дагестанских писателей, пишущих на русском языке о своих земляках. Данное обстоятельство служит фактором того, что писатели-билингвы максимально используют стилистический потенциал тех или иных грамматических форм слов русского языка. При этом имеем в виду, в частности, то особенное внимание авторов, которое они уделяют глаголам суффиксально-префиксальной структуры.

Например, Эффенди Капиев в книге «Поэт» часто обращался к таким глаголам и деепричастиям для обозначения повторяющегося действия: *вздрагивает, вскидывает, поживается, спохватывается; похохатывая; Пританцовывая, поскрипывая* и т.п. [2, с. 92]. О главном герое этой книги А.А. Абдуллаев и Э.З. Сантуева пишут: «Вскидывая взгляд, запрокидывая голову, откидываясь или вздрагивая от чего-то, Сулейман обнаруживает такую энергию и такой эмоциональный потенциал, которые трудно вместить в себя его тщедушному телу, больному организму» [2, с. 93].

Названные исследователи справедливо констатируют: «Индивидуальный стиль Э. Капиева в книге «Поэт» составляет сложный синтез разнообразных этноисторически мотивированных языковых художественно-изобразительных средств. Важную стилистическую роль играют суффиксально-префиксальные глаголы несовершенного вида, а также одноструктурные с ними деепричастия, с помощью которых раскрываются внутренний мир героя, его поступки, реакция, переживания» [2, с. 130–131].

Наше обращение к опыту Э. Капиева не случайно. Мы хотели акцентировать внимание читателя на том, что он справедливо и оправданно считается не столько образцом для подражания, сколько учителем. И учиться у него считает нормальным для себя автор рассматриваемой книги, который высоко ценит художественный талант Э. Капиева. Магомед-Расул, являясь не только народным писателем Дагестана, автором нескольких книг на русском языке, но и литературоведом, много и хорошо пишет об Эффенди Капиеве. Приведем пример того, как высоко оценивает Магомед-Расул его творчество: «Без преувеличения можно сказать: если бы даже за свою целомудренно-аскетическую жизнь ты ничего другого, кроме «Вечера», не написал, то все равно навсегда остался бы первоклассным мастером-прозаиком» [8, с. 268]. Далее он, говоря о новелле «Вечер», пишет: «В нем есть все: и пронизательный взгляд человека, увидевшего то, что недоступно многим, и тонкое чувство слова, без которого немислим большой мастер, и изобразительная сила художника, в совершенстве владеющего всеми оттенками красок, и философские раздумья о быстротекущей жизни, свидетельствующие о глубине постижения предмета, и аромат свободы творчества, пронизывающий всю главу от первого до последнего слова, и вечная тайна души, притягательная сила которой верховодит всем» [8, с. 269].

Таким образом, Магомед-Расул создавал рассматриваемую нами книгу как талантливый писатель и серьезный литературовед. Тем не менее в его тексте встречаются редкоупотребительные или неупотребительные в современном русском языке слова. Например: «Скала выпирала из склона горы, с обеих сторон обросла деревьями и кустарниками. Внешне она не была чем-нибудь примечательна: скала как скала – каменная круть, утес»... Существительное *круть* с пометой «устарев-

шее» приводится только в Большом академическом словаре. Автор вместо него мог бы написать один из употребительных синонимов *крутизна*, *круча*. Но почему-то предпочел воспользоваться лексическим раритетом. С той же целью автор использовал форму глагола со значением многократности действия *порыкивать*, который можно найти только в указанном словаре: «Айбала решила было захлопнуть окно, но остановилась, прислушавшись как далеко-далеко порыкивал гром...».

Автор зачастую прибегает к устойчивым сочетаниям. Так, однокурсник Бараката, согласившись пойти с ним в кафе, говорит: «С утра маковой росинки во рту не было»; «Однажды почти два дня маковой росинки во рту Бульбул не было».

«Как поступают в подобных ситуациях другие женщины? Идут на любые интриги, пускаются *во все тяжкие*, чтобы завладеть чужим мужем как своим имуществом...».

Представляется логически не оправданным употребление в данном предложении глагола «завладеть». Этот глагол означает «взять в свое полное владение, захватить», поэтому представляется логически неверным «завладеть своим имуществом». По-видимому, вместо *завладеть* можно было бы использовать форму этого глагола без приставки – *владеть*. «Он знал, что аульчане наслышаны, как успешно идут его дела, и сообразно с этим оценивают его. Тем более, что ни один из одноклассников, разбредшихся *по городам и весям* (в их числе и Айбала!), еще ничем не проявили себя». Здесь допущена логическая неточность: обычно выпускники дагестанских сельских школ разбредаются по городам, но не по «весям». Устаревшее существительное *весь* означало село, деревню. Данное устойчивое сочетание в современном русском языке употребляется в значении наречия «повсюду». Но мы, помня и об этом, сочли указать на то, что в приведенном контексте употребление устойчивого сочетания «по городам и весям» нежелательно.

Осуществленный нами лингвокультуроведческий анализ книги Магомед-Расула «Что с нами будет?» выявил существенные литературоведческие и социолингвистические признаки. Автор изображает жизнь современных дагестанцев-горожан и тех, кто живет в ауле. Он ставит серьезные актуальные проблемы нравственности молодежи и не стремится создать однозначно положительных героев, лишенных каких бы то ни было недостатков, противопоставив им крайне отрицательных, одиозных типов. Это не значит, что в книге нет положительных и отрицательных героев. Положителен отец главного героя Бараката Шахмардан – честный труженик, каменных дел мастер-строитель, известный своим высоким мастерством. Идеальных людей не бывает, но встречаются, хотя очень редко, близкие к идеалу. Такова Айбала – величественная в своей простоте и обыденности девушка. Отрицательными выведены образы Хадижи, Самиры, Рыжика, Апрапи. Весьма выразительными мазками изображен безымянный министр, которого не видно, но о котором слышно. Это отец Самиры, преуспевающий чиновник, который может решить любую проблему, не брезгуя средствами. А в основном персонажи обрисованы в соответствии с жизненной правдой, то есть с их позитивными чертами и недостатками, обусловленными объективными и субъективными причинами: у одних больше положительных черт, у других – негативных.

В тексте книги обнаружены существенные отклонения от лексических, семантических, логических и грамматических норм современного русского литературного языка, которые снижают качественный уровень языка и стиля произведения. В качестве стилистических погрешностей, допущенных автором книги, можно назвать следующие: большой процент просторечной лексики не только в речи персонажей, но и в авторском тексте; отсутствие попыток речевой индивидуализации героев. Речь последних и автора одинакова. Много случаев тавтологии и паронимии, которые, наряду с некорректным порядком слов в некоторых предложениях, снижают уровень культуры русской речи на стилистическом уровне.

Автор, стремясь «обрусить» язык, употребляет неуместно русские этнокультурно маркированные слова, выражения, вводные слова, и они выглядят как искусственно введенные средства, призванные, по замыслу автора книги, придать тексту оттенок русскости.

Не все в русскоязычной книге Магомед-Расула «Что с нами будет?» отвечает современным высоким требованиям, предъявляемым к языку и стилю художественного произведения на русском языке. Многие случаи нарушения норм современного русского литературного языка на разных его уровнях имеют место, как мы уже отметили, вследствие того, что книга не отредактирована.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
2. *Абдуллаев А.А., Сантуева Э.З.* Вопросы языка и стиля русскоязычной прозы А. Омарова, С. Габиева, Э. Капиева. Махачкала, 2000.
3. *Виноградов В.В.* О языке художественной прозы // Виноградов В.В. Избр. труды. М., 1980.
4. *Габуниа Э.М.* Художественный русскоязычный текст как посредник двух языков и двух культур // Горизонты современного гуманитарного знания. К 80-летию академика Г.Г. Гамзатова. М., 2006.
5. *Гамзатов Р.Г.* Мой Дагестан. Махачкала, 1989.
6. *Абдуллаев А.А.* Культура русской речи в условиях национально-русского двуязычия. Махачкала, 1995.
7. *Магомедов М.И.* Русский язык в многоязычном Дагестане. Функциональная характеристика. М., 2010.
8. *Магомед-Расул.* Ясновидящий дурак. Письма дилетанта. Махачкала, 1994.

*Поступила в редакцию 20.03.2014 г.
Принята к печати 26.06.2014 г.*